

Спасибо корове...

ЗАКОНЧИЛ школу я в 1958 году в селе Быстрый Исток Алтайского края. Закончил с серебряной медалью. Отец мой продал корову, купил мне шевитовый костюм, мать сшила мне широкие шаровары, сатиновые, черные - тогда было очень модно у нас в селе ходить в шароварах. Волосы себе отстриг очень длинные. Почему-то считал, что артисты должны быть непременно волосатые. Шляпу купил себе дерматиновую - такие шляпы продавались, с тремя дырочками наверху. И отправился в Москву. Как был в шляпе, в шароварах, так и пришел поступать в ГИТИС.

Профессор на меня глянул и говорит: «Ой, отойди от меня. Дальше, дальше, дальше. Ты что, - говорит, - парень, с гор спустился?» Я говорю: «Да почти, с предгорий.» «С каких?» Я говорю: «С алтайских». «А зачем?» Я говорю: «Как зачем? На артиста поступать».

- Да... как интересно... А что ты умеешь?

Я говорю: «Да все...»

- Ну ладно, - говорит, - басню знаешь?

Басню я учил в поезде, но, видать, не доучил. Начал читать и забыл. Стою, реву. А профессор говорит: «Ты не реви. Москва слезам не верит. Ты своими словами расскажи, что там у медведя с зайцем, чем дело закончилось в басне?»

Я начал своими словами. У меня еще три зверя припуталось каким-то образом. Про-

фессор понять ничего не может, зажмурился, слушает. Потом говорит: «Парень, плюнь ты на этот зоосад. Не разберешься все равно. Плясать умеешь? Ах да, ты сказал, что все умеешь. А ну-ка играйте ему русскую!»

Заиграли мне русскую, стал я плясать как умел. И вот тут случилось самое неожиданное, что меня, конечно, спасло в этой авантюре. Профессор сидел, сидел, и вдруг как кинется ко мне, и давай вокруг меня отплясывать. Пляшет и подначивает: «Частушки знаешь?» Я говорю: «Чего?» Думал, ослышался. Какую глупость спрашивает: человек в деревне рос, так, ясное дело, знает! Он говорит: «Пой!»

Я запел:

Хулиган я, хулиган, да хулиган я временный,

Да не скажу, в какой деревне есть мужик беременный...

Он спрашивает: «А еще знаешь?» Я говорю: «Да я их миллион знаю. Выведите всех, я вам один на один таких напою, век не забудете». Ну, в общем, он отплясал, отдышался, говорит: «Ну ладно, парень, ты, наверно, способный, но нахальный. В следующий раз, когда зайдешь в аудиторию, хоть поздоровайся».

Я говорю: «Зачем? Я вас не знаю никого, зачем я с вами буду здороваться?» «Так принято, - говорит. - И потом, обязательно перед экзаменами подстригись. Что же ты таким дикобразом явился в столицу?»

Я пошел в парикмахерскую перед экзаменом и оскоблился под бритву, надел костюм свой шевитовый, ботинки купил новые. Захожу. Он меня не узнал. Ну потом списки доходят - Золотухин. Я встаю. Его со стула как ветром подняло. Он понять ничего не может. Стоит человек в костюме и бритый. Синий, как кабачок.

Я говорю: «Павел Михайлович (его звали Павел Михайлович Понтрягин), вы же велели подстричься немного». «Ну и нахал! Знал, что нахал, ну не до такой же степени!» Я говорю: «Подумаешь, я же не уши отрезал - волосы сбрил, за пять лет учебы какая шевелюра отрастет». «Какой учебы?» Я говорю: «Так у вас же пять лет учиться». «Ну ладно, - говорит, - мы тебя за одни такие заявления не примем». Я говорю: «Позвольте, как же так? Зачем вы мне стричься-то велели? Что, вы смеетесь надо мной, что ли? Коровы нету, волос нету, что же я так и явлюсь в деревню? Ну волосы, ладно, отрастут. А ведь корова-то, кормилица? Отец корову продал, денег на дорогу дал. Я где-то месяц шлялся, являюсь бритый. Спрашивается: где ты был, сынок?»

Вот так меня и взяли. За счет моих сатиновых, за счет моей дерматиновой, ну и, конечно, коровы. Правда, потом уже мне сказали, что все я делал плохо. И пел, и плясал. Но чего там: мне не было и семнадцати лет...